

ЕВГЕНИЙ ТВЕРСКОЙ

Дмитрий

Евгений Тверской

Э Т Ю Д Ы

1. СТАРАЯ МОСКВА ПЬЕТ
ЧАЙ.
2. ЖЕНИТЬБА А.П. ЧЕХОВА.
3. АЛЕКСЕИ ТОЛСТОЙ - СТАР
ШИНА КАРТОЧНОГО КЛУ-
БА В... БАНЕ
4. ВЕСЕЛЫЙ АДМИРАЛ

Печатаются впервые

«ЭХО»

Регенсбург, 1947 г.

Обложка и иллюстрации работы
художника А. И. Шелоумова.

Все права сохранены за автором.

Посвящаю навеки
уснувшей вечно любими-
мой жене.

Автор.

СТАРАЯ МОСКВА ПЬЕТ ЧАЙ

(Этюд)

Со стороны улицы Тверской из-за многоэтажных домов поднималось солнце, радостно светя всем—и бедным, и богатым.

Утро было морозное. Пастельно-голубоватая дымка, окаймлявшая солнце и окрашивавшая его в оранжевый цвет, предвещала покрепчение мороза. Так оно и должно быть в канун Николы Зимнего.

Святой Ермолай ударил в большой колокол, к заутрене. Колокольный звон отчетливо и внятно пронесся по редкому, морозному воздуху.

За ночь снегу навалило тьма тьмущая и белым ковром покрыло московские улицы.

Работа дворникам. Тротуары чистить. С мостовых снег сгребать в кучи и вывозить потом на свалку, к Драгомиловской заставе. Чистили тротуары особыми скребками, до самого асфальту.

В большой мороз снег натопчут, и он — твердый, как камень, скребком не возьмешь, нужен лом. Но еще лучше посыпать тротуары солью и тогда снег, оттаивая, сходит под скребком, как рыба чешуя под ножом. Так в Москве хорошие хозяева и поступали. Вмешательство лома разрушает асфальтовые, хрупкие в морозные дни, тротуары. К восьми часам утра все они должны быть вычищены и посыпаны красным песочком, который возили с Воробьевых гор. Иначе домовладельцу не миновать протокола и штрафа в 25 рублей.

Три дворника соседних домов объединились. Двое со скребками шли впереди, а третий с большой метлой следовал за ними и сметал на мостовую отчищенную с тротуара снеговую чешую.

На перекрестке Ермолаевского и Бол. Козихинского переулков жизнь просыпалась рано. Первым, еще в темноту, в пять часов утра, открывался трактир первого разряда с подачею холодных и горячих закусок, Матвея Пивоварова. Потом поднимала свои железные завесы булочная Севастьянова, а вскоре за ними — Колониальный магазин

Григорьева и Мясная Уткина. Наискосок от Уткина находилась, пожалуй, единственная на всю Москву еврейская мясная Дыскина, торговавшая кошерным мясом и резаной хахамами птицей. Дыскин, будучи потомком николаевского заслуженного солдата, владел Первой гильдии торговым свидетельством.

Трактир Пивоварова был известен. На его ранний огонек съезжались с работы ночные извозчики. К нему приходили опохмелиться загулявшие студенты. Ведь соседние Бронная и Козиха были жилищной «Alma mater» московских студентов. К Пивоварову шли потолковать, дела обделать и «чайком побаловаться» купцы-оптовики, разносчики, подрядчики, ремесленники и прочий рабочий люд. У Пивоварова было два отделения. Одно — «дворянское» со столиками на четыре персоны, покрытыми розовыми и голубыми скатертями. Другое — для прочего люда. Здесь столы были побольше и покрыты клеенками. Паспортов при входе в «дворянское» Пивоваров, конечно, не спрашивал. Заходил туда, кто хотел, но за «пару чая» здесь надо было пла

тить пяточок, а в простом три копейки. Заезжий двор был уже полон извозчи чьих лошадей, запряженных в сани. Ло шади весело потряхивали мордами, к которым были подвязаны мешки с ов сом. Они были рады, что их зубы осво бодились от ненавистных удил и те перь можно всласть похрустывать зер нами полновесного овса. К лошадям стаями слетались воробьи, жирные, как осенние перепелки, и ненасытные, как домашние утки. Они радостно чи рикали и зорко следили за лошадьми в надежде, что какая-нибудь прогрызет мешок и им достанется большая добы ча. Вороны и галки, не дожидаясь сча стливого случая, были более реальны и трудолюбиво долбя клювами замерз шие катушки конского помета, выиски вали там зерна непереварившегося овса

— Ну вот, как дойдем до Уткина, так и зашабашим! Глянь-ка, вишь Матрена к Севастьянову побежала. Знать само вар закипел, и она уж за ситным торо пится.

— А что у тебя именины сегодня, что-ль!?

— Нет, Матрена нонче хозяевам сти рает. Так ей за то и ситный полагается.

Двери булочной Севастьянова ежеминутно открывались и закрывались. Оттуда на морозный воздух вырывался чудесный аромат свежего горячего хлеба, от которого шел пар. Булочники в светло-серых курточках и белых фартухах, не суетясь, но быстро и ловко отпускали товар. Черный хлеб и ситный выпекались в Москве большими полупудовыми хлебами, напоминая своим размером и формой сырныи круги. Булочники были вооружены особыми ножами-секирами, которыми они орудовали артистически и отрезая от большого хлеба полфунта, или пять фунтов, они редко прибегали к добавкам, или убавкам. Но еще ловчей они вонзали секиру в лежавший на полке хлеб, который от быстрого, обратного движения секиры сначала сползал с полки, а потом падал в распростертыи объятия булочника.

И чего только не напек за одну ночь Севастьянов. Высокие горы хлеба черного и белого. Ситного простого и с изюмом. Хлеба пеклеванного и докторского из отрубей. Французские пятикопеечные булки. А калачи!? — с чуть чуть поджаренными, с закальцем, ручками и гре

бешками, под которыми скрывалась стопроцентно-белая мука. Да, такие ручки от одного только взгляда начинали хрустеть на зубах. Целые штабели баранок сдобных, постных, лимонных, маковых, сахарных. Точно груды ожерелий лежали на прилавках, перевязанные мочалочкой сушки, легкие как пухи румяные как детские личика. А сухари: ванильные, сдобные, московские, посыпанные жженым сахаром, с орехами и шоколадные. Розанчики, крендельки, подковки, сайки, плюшки с вареньем, облитые сахаром. И, наконец, горячие, в сале жареные пирожки.

Каждый из московских булочников имел свою историческую славу. Филиппов — первый московский булочник прославился на всю Россию жареными пирожками, которые так и назывались филипповскими. Специальностью Титова были куличи и сухари, Чуева — сайки, Бартельса — Выборгские кренделя. Но такого черного и ситного хлеба, какой выпекал Севастьянов, не было нигде, нигде в мире.

От Севастьянова вышла Матрена. В одной руке она держала три фунта ситного с изюмом, а другой поправляла се

рый с бахромой, длинный, как ротонда, платок, спадавший с ее плеч. Ее отмытые от большой стирки руки, не краснели даже на морозе и были белые, белые, а на кончиках пальцев от щелока и мыла ядрового появились проталинки. Матрена подошла к дворникам.

— Ну что, Степан, пойдём чай пить. Самовар кипит.

— Что-то холодно. Хорошо было бы, Матрена, по стаканчику «казенки» пропустить.

— Будет, будет. Барыня сказала, что если белье сегодня кончу, то полбутылки «Красной головки» даст. Иди, возьми у Пивоварова, а то мне бабе за водкой итти как-то несподручно. Идем и ты, Митрич, к нам чай пить. Ведь одному, как ты бобылю, и чайку то попить — не утеха.

В дворницкой сторожке было опрятно. Из красного угла, с востока, с зажженными лампадами встречали входивших иконы и образа Спасителя, Богоматери и Николы Чудотворца.

— Ну, садись, Митрич, за стол, а я тут скраешку селедку почищу.

На столе стоял красной меди самовар, на камфорке которого возвышался

маленький чайник с превшей настойкой. Толстыми ломтями был нарезан ситный и тонкими черный, ржаной.

— А вот и «Красная головочка», сказал вошедший Степан.

Ногтем большого пальца он отковырнул красный сургуч, а потом ловко ударил ладонью под донышко бутылки, и пробка сама выскочила из горлышка.

— С наступающим праздничком вас, сказал Степан.

Все трое чокнулись и выпили по стопке залпом. Степан от удовольствия крикнул, и перед закуской вытер усы кистью правой руки слева направо. Закусили селедочкой. Потом ели вареную колбасу и потому что она была вкусная, «беловская», все трое молча чавкали.

Матрена сидела за самоваром и разливала чай по стаканам. Каждый потянулся за ситным, гвоздем сегодняшнего чаепития.

— А вкусный у тебя, Матрена, чаек, сказал Митрич.

— Да, господа не жалеют, Степану каждый месяц полагается по полтора фунта чаю и по три фунта сахару.

Митрич пил чай со вкусом и расста

новкой, стакан за стаканом.

— Сколько, Митрич, ты можешь чаю выпить?

— И что за счеты, лишь стало бы охоты! Ты знаешь, Матрена, как-то нашего благочинного спросили: «Отец благочинный, сколько Вы можете стаканов чаю выпить?» И он отвечивал:

«А смотря как — всладкую, вприкуску, с вореньем, с медом, или со свежеею ягодою?»

— Ну, скажем, с ягодою.

— Коли с ягодою, да с клубникою, да с ононасною, так до . . . бесконечности.

Все трое рассмеялись.

В трактирах пили чай «парами». «Пара чая» — маленький чайник с заваркой и большой пузатый с кипятком. Кипятку подавали сколько угодно и желающим меняли даже недопитые чайники, если кипяток остывал. К чаю полагалось три куска коленого от головы сахару и долька лимону. К сахару подавались особые щипцы, которыми кололи сахар на маленькие, маленькие, для прикуски, кусочки. Гостям прислуживали половые в белых холщевых косоворотках и в таких же штанах. Косоворотки были на выпуск и опоясаны красными

широкими кушаками. В своих мягких шевровых щиблетах они не подходили и не подбегали к гостям, а буквально подплывали, держа в обеих руках по два и по три тяжелых пузатых «кузнецовских» или «корниловских» чайника. — В «дворянское» вошел лихач. В огромных валенках, обсоюженных твердой кожей, и темно-синей, по самые щиколотки, поддевке, он казался каким-то не уключим колоссом. Держа под мышкой боярскую шапку зеленого бархату, под битую енотом, шел он «косою саженью» по алой дорожке, пересекавшей пол, прямо к стойке.

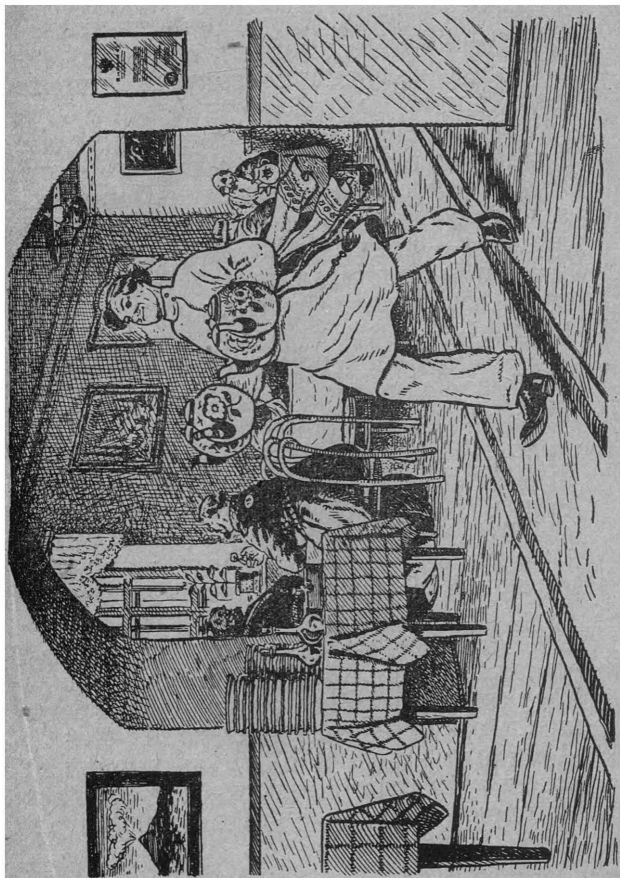
И чего здесь только не было. Глаза разбегались.

Рыба копченая, вяленая, соленая, жареная, маринованная. Колбасы вареные, копченые, в серебряный свинец забинтованные, так называемые браун швейгские. Свинные и медвежьи ветчинные окорока. А сыры: швейцарский — с широкими ноздрями, горькой слезой под ножом плачущий. Голландский — красная голова, того гляди, — повеса так со стойки и укатится — не поймает! Икра паюсная, салфеточная, кокетливо и смазливо выглядывавшая из

трехрублевых белых фарфоровых банок. Зернистая, осетровая, чуть-чуть дымчатая, голубовато-сероватая, — астраханская — пять рублей за фунт! Кулебяки, распростертые на блюдах и прекрасные «в греховной наготе своей» — как это писал Чехов в «Сирене». Грибки белые маринованные, пузатенькие как «Ваньки-встаньки». Рыжики соленые, точно улитки слизью покрытые. А как поднимешь глаза на стеклянный шкаф за стойкой, то и в голове помутит ся. Коньяки Петра Смирнова и Шустова с колоколом, «Спотыкач» сливовый с этикеткой пьяного «Запорожца», граненная бутылка с несравненной «Нежинской рябиновой», и предательская, такая неуклюжая маленькая бутылка с длинным, не по туловищу, горлышком — «Английская горькая» Шриттера. И наконец, превзошедшее все и вся — «Казенное вино» с белой и красной головкой. Ведь лучше водки в мире зелья нет!

Лихач выпил стопку водки залпом, ничем не закусывая и взял с собою «сотку» (0,01 ведра) для своей «Сиротки», чтобы та на морозе, стоя, не смерзла.

Вернувшись, он обратился к полово-му:

---Ты я вижу, Мишка, парень проворный, так вот что: хозяйке я заказал заморозить графинчик и закусочку приготовить подобающую, а ты валяй к Севастьянову и тащи оттуда два пирожка с вязигою и рисом. Да смотри мне, в два счета, так чтобы пирожки на морозе не застудели, а водочка в графине не согрелась — понимаешь?

— Как ни понять, только хозяйка заругается, она не любит когда мы отлучаемся.

— Небось не заругается.

После закуски начиналось чаепитие. Настоящее священнодействие.

— А какого чайку, Ваше степенство, прикажите на заварку?

— Знамо какого — «Чайную розу» — Сергея Вас. Перлова, да смотри мне, чтоб из соломенного цибику, заправдашняго. Не обманешь, узнаю.

Чай наливали в стаканы, предварительно споласкивая их кипятком, для чего каждому подавалась небольшая полоскательница. Чай пили очень крепкий, цвета сухой мадеры, говоря — «чай — слабый — вода. Воду же пить вредно, потому что вода мельницы и те ломает, человека-же и подавно не пощадит».

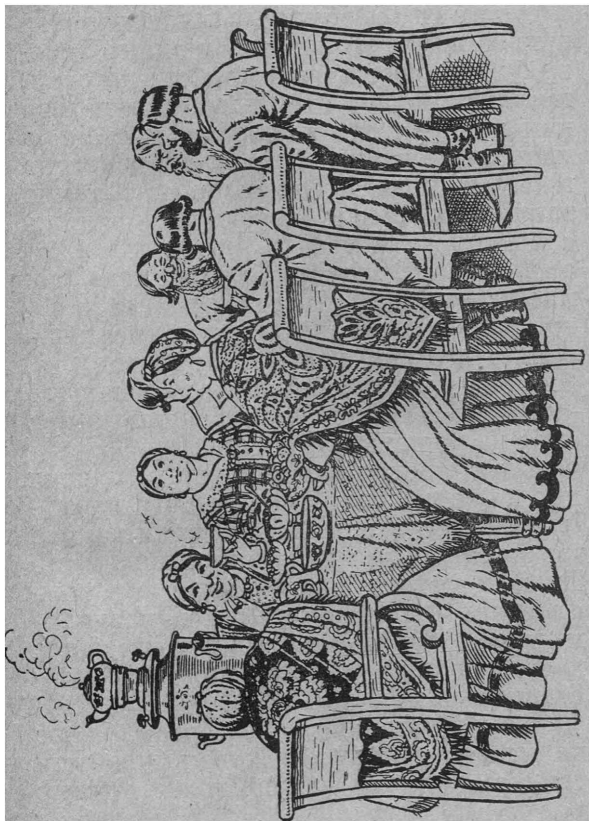
Из стаканов чай переливали в глубокие блюдечки, чтобы наслаждаться не только его вкусом, но и ароматом. Короче говоря, чай в Москве пили «тремя органами чувств». После третьего стакана, Бог Троицу любит, обыкновенно закуривали, кто «Доброго молодца» — 5 копеек 20 штук, кто «Дюбек лимонный» — 6 коп. 10 штук, кто махорку, свороченную в «козью ножку» из «Московского листка».

Когда отходила заутреня, в трактирах заводилась «пианола» (электрическая музыка), издававшая бравурные, порою диссонансные, если не совсем даже фальшивые звуки. Именно эти звуки пианолы и неуклюжие в трактирах извозчики, но такие лихие на облучках, и явились темой для Игоря Стравинского, написавшего свой знаменитый и замечательный «Танец извозчиков».

В общем отделении, уплетая баранки, пили чай офени, прибывавшие в Москву из деревень «всея Руси», за книжками, календарями и лубочными картинами. Они приезжали целыми караванами на дровнях. Это были книжные коробейники, деревенские культур-трегеры. Их любимым издателем был Сытин (из

крестьян). Они шли к нему потому, что Сытин, печатал книжку для народа — дешево, ухитряясь буквари гр. Л. Н. Толстого, или Вахтерова продавать по одной копейке в розницу, а сочинения классиков — Гоголя, Толстого и др. издавать за пять копеек том.

К Пивоварову залетали и «ночные бабочки» из «Морозихи», описанной Арцыбашевым в его нашумевшем романе «Санин». Несмотря на свои каракулевые саки, они скромненько садились в сторонку. Их оренбургские головные платки из тончайшей верблюжьей шерсти знаменитые тем, что могли продаваться через обручальное кольцо, были откинута на затылок и обнажали их щеки, пунцово горевшие. Горели щеки не от «брокеровских» румян и не от стыда, который не оставил их, несмотря на позорное ремесло, а от того, что они пришли из «Полтавских бань», где мылись и парились, смывая с себя мочалкой и березовым веником прошлую греховную ночь. Они, как и полагалось в таких случаях, по московскому обычаю, пили чай с клюквой. Клюкву привозили в Москву с Болота, после первых заморозков. Ведь только чай с клюквой мо-

жет действительно утолить жажду!

Утреннее солнце залило просторную барскую столовую. Красного дерева буфет, громадный как орган, стол, кресла и обивка стен под действием ярких лучей как-то оживали и становились «жуковскими» (по имени известного художника — интерьериста), точно также как осенью березки становились «левитановскими».

Стол был накрыт для утреннего чая: масло, булочки, яйца, ветчина и т. п. По середине в четырех граненых вазах варенье: янтарно-желтое абрикосовое, бордово-красное вишневое, зеленовато-золотистое из крыжевника и темно-красное из черной смородины.

Никелированный самовар, выпуская пар и весело улыбаясь солнцу, казался живым существом. Он гордился своим Баташевским происхождением из Тулы и потому выпячивал свое толстое, как купеческое брюхо, разукрашенное сотнями самых разнообразных всероссийских и международных выставочных медалей.

В столовую вошли два брата близнеца, гимназисты Петр и Павел. Они были так похожи, что даже многие родные

их не различали и спрашивали: Ты кто — Петр или Павел? В ранние годы это забавляло близнецов, так как они были всегда общим вниманием. Но теперь, когда они дошли до пятого класса гимназии и стали уже ухаживать за барышнями, это сходство угнетало их. Каждому хотелось быть отдельной личностью и иметь свое законное «Я». Поэтому во всех привычках и вкусах, иногда даже в ущерб своим желанием, они старались быть разными.

Павел пил чай, а Петр кофе со сливками, который ему, горячий, принесли из кухни. Боже, как все это надоело; одно и то же — ветчина, да колбаса!

В столовую вошла Арина, бывшая их нянька, а теперь — повариха.

— Ну вот, принесла вам баловникам. Собственно это на завтра полагается, да я уж не выдержала и спекла несколько пирожков с малиной для вас сегодня. Барыня спит и не узнает. Пирожки с малиновым вареньем были шедевром Арины и специальностью дома. Для этих пирожков варилось варенье из особого сорта малины — душистой и сладкой, про которую говори-

ли: «как возьмешь малину-ягоду в рот, так и потек сахар на душу».

В «вопросе» пирожков близнецы быть разными никак не могли. Это было выше их сил и возможностей.

Из надкусанных пирожков капал коралловый сок. . .

— Ну ты, Павел, — купчина, кончай скорее свой чай, а то и в гимназию, к молитве, опаздаем.

Близнецы быстро оделись и выбежали на улицу. С пивоваровского двора выезжал лихач.

— Садитесь, барчуки, прокачу!

Петр и Павел смутились. Ведь лихачу нельзя было дать меньше трех рублей.

— Садитесь, садитесь, настаивал лихач. Ваш папаша, наверное, выиграл сегодня хорошо. Мне от «Кружка» (Московский-Литературно-художественный кружок) до дому «красенькую» (десять рублей) дал. Так я в долгу оставаться не хочу, за то уж вас и прокачу!

Восторг был полный. Подъехать к гимназии на лихаче — предел мечтаний гимназистов старших классов.

Обогнув Патриаршие пруды, где шли

полным ходом приготовления к сегодняшнему (под Николу) карнавалу на льду, выехали на Спиридоновку, одну из самых очаровательных улиц старой Москвы. Спиридоновка — тишайшая в Москве улица, улица особняков с усадьбами и палисадниками. Особенно красив и величав был особняк-дворец Морозова, спокойно-желтого цвета. Ему не уступал гордый, античный, облицованный нежно-розовыми и черными мраморными плитами, с портиком, и подпертый строгими дорическими колоннами, особняк Тарасова.

Спиридоновка упиралась в Малую Никитскую, где на углу вырос недавно моднейший в Москве «декадентский» особняк Рябушинского.

На холме, отделявшем Малую Никитскую от Большой, возвышался храм Св. Вознесения. Эта церковь была особенно почитаема интеллигенцией. Редко кто из гимназистов, да и из студентов также не заходили в «Вознесение» перед экзаменом, чтобы помолиться и не схватить двойки.

В этом храме недавно отпевали профессора Московского университета Муромцева, бывшего председателя пер

вой Государственной Думы. На похороны собралась вся Москва. Студенты «живой цепью» окружили Вознесенский холм, чтобы поддерживать порядок и не допускать вмешательства ненавистной «черносотенной» полиции

Во время отпевания проф. Муромцева пел на клиросе и читал Апостола Ф. И. Шаляпин.

Нехотя спустившись шагом с Вознесенского холма, «Сиротка» так мгновенно и сразу перерезала Большую Никитскую, что искры засверкали из-под железных полозьев, коснувшихся трамвайных рельс. В Мерзляковском переулке, возле подъезда гимназии «Сиротка» остановилась как вкопанная.

Через несколько лет в храме св. Вознесения отпевали юнкеров, тех самых студентов из «живой цепи», павших теперь первыми сотнями жертв «бескровной» русской революции, защищавших свободу и Временное Правительство Керенского в дни октябрьского переворота.

Собинов и Нежданова пели в цер-

ковном хоре «Со святыми упокой» и «Вечную память»...

Лихач, стоя на коленях, беспомощно мял в огромных руках свой синий картуз. Он оплакивал близнецов Петра и Павла...

«Прощайте, друзья,
Прощай, дорогая
Россия моя!»

Альпы 1946 г.

ЖЕНИТЬБА А. П. ЧЕХОВА

(Этюд с палитры воспоминаний)

А. П. Чехов любил Москву. Любил ее шумные центральные улицы, где кипела деловая жизнь, но любил и ее патриархальные переулочки, закоулочки и ту пички. Любил ее церковные «Сорока Сороков» радостно-серебряные перезвоны, равно как и печально - торжественные удары в Великопостную Седьмиду. Антон Павлович искренне любил Москву. Но и Москва любила Чехова. Любила его тонкий юмор, любила его пьесы печальные и грустные. Задушевные и с настроением. Юмор и грусть уживались в Чехове и никогда не вступали в коллизию. И в жизни, и в литературе Чехов был человеком.

Не любил Чехов большого шумного общества, балов и гала-представлений. Отшельником же он не был. У него были интимные друзья, с которыми он поддерживал самые сердечные и искренние отношения и умел быть отзыв-

чивым и в радости, и в горе человеческого.

В самой Москве Чехов не жил, а жил с родителями в небольшом родовом поместье под Москвой. Москву навещал он очень часто и останавливался в «Большой Московской Гостиннице». Чехову отводили всегда комнату номер пятый, которую Антон Павлович особенно любил, так как она своими окнами выходила к Иверским воротам.

Посредине Иверских ворот находилась часовня с Чудотворной Иконой Богородицы. Двери часовни были открыты настежь и днем, и ночью. Верующие шли сюда, неся Заступнице своей и горе, и радость. Тысячи свечей, зажженных их скорбящими душами, освещали Чудотворный образ и вселяли в них надежду и покой:

«Господи, спаси благочестивые души и услыши ны!»

Смеркалось. В номере пятом было темно. Тем ярче горели свечи Иверской часовни. Антон Павлович сидел возле окна...

Стук в дверь.

— Войдите! А, Иван Дмитриевич, обращайтесь к Сытину, сказал Чехов. Берите

кресло и подсаживайтесь. Света пока не зажигайте. Я так люблю сумерки. В них какая-то особая спокойная красота. Примиряющая. Замечтался я сегодня, глядя на Иверские ворота. Сколько народу прогнали через них на плаху, на Лобное место. . . и сколько еще прогонят? Их последняя слеза и слезы их матерей, вдов и детей—чистый жемчуг, сверкающий в венчике Иверской Богоматери. . .

Наступило молчание. Сытин вспоминал, как мальчишкой после Освобождения крестьян пришел он в Москву пешком из Костромской губернии в лаптях и с двугривенным в кармане. . . Помолится Иверской Богоматери и начал новую жизнь. Теперь он—известный в России издатель. . .

Антон Павлович поднялся. Зажег свет. —Сегодня, сказал он, поужинаем у меня в номере. Я не хочу спускаться вниз, в ресторан.

Во время ужина Антон Павлович проявлял особый интерес к «Русскому Слову».

—Как идет газета?—спросил он.

—Пока еще плохо, докладываю. Идет всего на всего 13. 000.

—Ничего. Не падайте духом. За газетой я слежу. Мой выбор редактора удачен. Благов ведет ее хорошо. Он понял, что недостает всем нашим газетам. Точная, быстрая и объективная информация. Не казенный и протокольный, а живой и литературный репортаж. Вы увидите, что «Русское Слово» будет крупнейшей газетой.

—Дал бы Бог!

—Вот, что я Вам скажу, Иван Дмитриевич, не нравится мне, что редакция и контора газеты не в центре. Не скупитесь и купите для «Русского Слова» дом на Тверской улице.

—А Вы нам, Антон Павлович, ничего для газеты не напишите?

—Напишу, напишу. Только попозже. Сейчас моя голова занята семейными делами.

—Что, какие-нибудь неприятности?

—Нет, ничего особенного. Впрочем, завтра Вы сами узнаете...

После некоторой паузы Чехов продолжал:

—Завтра в «Славянском Базаре» в Зимнем саду соберутся мои друзья. Позавтракаем вместе. Приходите и Вы. Обязательно.

Какая-то недоговоренность и завтрак в «Славянском базаре», а не, как обычно, в малом зале «Большой Московской», где Чехов всегда завтракал в кругу своих интимных друзей, были более, чем странны.

Зимний сад «Славянского Базара». Стеклянная галлерей, как небо широкая и ясная, не заслоняла ни одного луча расточительно-яркого солнца. Ее верхние цветные стекла майской радугой веселили растения Зимнего сада. Пальмы распростерли солнцу свои широкие лапы и млели. Бананы, вспоминая о далекой родине своей, жили надеждой оплодотворения, завидуя лимонам и мандаринам, весело покачивавшим на своих ветвях желтое и оранжевое потомство. В огромном аквариуме играли золотые рыбки, важничая своим червонным и алым пером.

Посредине сада стол, покрытый бело-снежно-накрахмаленной скатертью и украшенный живыми фиалками, был накрыт на десять-двенадцать персон. Все приглашенные друзья А. П. Чехова были в сборе. Уже четверть второго, а Чехов не появлялся. Странно. Чехов был всегда аккуратен и никогда не опа

здывал. Точность—вежливость королей,—говорил он.

Терялись в догадках. Истиной причины сегодняшнего завтрака никто не знал.

—Господа, милости прошу занять места объявил метр-д'отель, важно разглаживая свои седые «горемыкинские» бакенбарды. Антон Павлович только что позвонил по телефону, прося начать завтрак без него, так как он немножко запоздает.

Каждый из гостей занял место согласно положенному билету с надписанной чеховским почерком фамилией.

Закуски и меню были отменны и изысканно подобраны.

Пили, ели и недоумевали—что с Чеховым?

Вскоре снова появился метр-д'отель, в руках он держал поднос, на котором лежали две телеграммы. Одна была на имя Сытина, другая—на имя В. И. Немича-Данченко. Первая гласила:

«Друзья, я женился на Книппер. Продолжайте весело завтракать, не ожидая меня. Выпейте за наше здоровье и счастье. Мы едем в Крым. Чехов.»

Вторая:

«Владимир Иванович, я вышла замуж за Чехова. Не ждите меня завтра к репетиции. Пожелайте нам счастья. Ольга Книппер».

Еще вчера я с нею, сказал Владимир Иванович, репетировал «Чайку», а сегодня с Чеховым она умчалась в Крым

Как из-под земли выросли три официанта, разливавших в кружевные «баккара» шампанское. Кто-то крикнул «горько!» Сытин подошел к Немировичу-Данченко, обнял его и поцеловал — что б молодым, мол, сладко жилось!

На шутку Чехова никто не обиделся. Все поняли — Чехов не хотел быть ни героем чеховской «Свадьбы», ни Подколесиным гоголевской «Женитьбы».

Детей у Чехова не было. Но два его духовных детища — «Русское Слово» и «Художественный театр» росли и крепли. «Русское Слово» стало самой распространенной и влиятельной газетой с ежедневным тиражем в 1 мил. 300 тысяч экземпляров. Портрет А. П. Чехова, работы художника Серова, украшал редакцию газеты, перебравшуюся на Тверскую улицу. «Художественный театр», взявший своей эмблемой «Чайку» не знал спектаклей без аншлагов...

Пришли новые хозяева. «Русское Слово» похерили. На его месте обосновались «Известия» и «Правда». «Худо-жественный театр» остался, но чеховская «Чайка» спустилась на горьковское «Дно». «Худо-жественный театр» был переименован в «Театр имени Максима Горького».

Альпы 1947 год.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ—СТАРШИНА КАРТОЧНОГО КЛУБА... В БАНЕ

(Этюд с натуры)

Это было у моря. Но волна не была бирюзова. Одесскую гавань сковал мороз.

В Москве начинался голод. Исхудавшие москвичи выехали на Украину, на поправку. Сначала там был Гетман, а потом пришли французы и греки. Перемена власти не отразилась на населении.

Прибывших москвичей объединил и «приютил» некий Зейдеман, Александр Миронович. Чем он занимался — никто не знал. Да такого вопроса прежде в Москве вообще и не ставили. Живет себе человек, да и пусть живет. Играет в карты — пусть себе играет. А в карты играл Зейдеман, будучи завсегдатаем «Московского Литературно-Художественного Кружка», пожалуй, крупнее всех. С ним мог помериться

лишь А. И. Южин (князь Сумбатов), бывший заслуженный артист Императорского Малого театра.

«Кафэ-ейная» жизнь у Робина или Фанкони — не по москвичу. Сутолока, толкотня, никакой, можно сказать, степенственности и благородства. Ни сидеть же в самом деле, сложив ноги по-турецки, за чашечкой с наперсток кофе часами, молчать и наслаждаться — чем? Такую бы чашечку залпом опрокинуть, да ведь это не водка, не закусишь! Но и Английским клубом, где и тихо, и чинно, и благородно, москвичу также не угодишь. Он скажет: чопорно, чванно, и бездушно.

Зейдеман понимал вкусы москвичей и наняв помещение каких-то бывших бань возле Нежинской улицы, он отвинтил души и «завинтил» карточную игру, чем и угодил душе своих земляков.

В бывшей банной раздевальне Зейдеман не раздевал гостей, а наоборот, наполнял их души «божественными» напитками, а бранные и исхудавшие тела поправлял кулебяками и растегаями, в чем помогал ему московский беглец, бывший повар ресторана «Яр»

В большой бане шла игра в «железку» («Chemin de fere»), средняя. Крупная же шла в бывшей «горячей», «парной». Здесь людей раздевали, и многие выскакивали оттуда, как ошпаренные.

«Кружок москвичей» в Одессе нельзя было назвать игорным притоном. Зейдеман постарался придать ему характер «общественности» и «богемы». Здесь собирались не только картежники. Сюда шли поужинать, побеседовать, почитать газеты и журналы. Среди посетителей выделялись писатели, журналисты, артисты. Игру, конечно, вели не они, а другие никому неизвестные «нуво-риши», черно-биржевики. Старшинами же клуба для рекламы фирмы были лица с известными именами. Среди последних, конечно, выделялся декоративный Алексей Толстой. Его породистая красивая голова с зачесанными назад и тогда черными, как воронье крыло, волосами напоминала голову римского патриция, что так удачно и талантливо было подчеркнуто скульпторшей Голубкиной в вываянном ею из дерева бюсте Алексея Толстого, приобретенном в свое время Московским музеем императора

Александра III.

В «клубобане» Алексей Толстой не ходил, конечно, как патриций-сенатор закутавшись в простыню-тогу (да простит нам А. Толстой такую вольность в обращении, допущенную ради красного словца и в воздаяние лишь его же литературных приемов). На нем была визитка-жакет, исчезавшая уже тогда со страниц журналов мужских мод.

Толстой чувствовал себя вечно простуженным и потому его шея была закутана в длинное, как полотенце, кашне по «гайдаровски» закинутае назад, на спину. Алексей Толстой частенько и не в очередь бывал дежурным старшиной, за что над ним подтрунивали «братья писатели», называя его «дежур-тужур». Труд дежурных старшин оплачивался, и Зейдеман платил старшине 300 карбованцев и давал бесплатный ужин за одно дежурство.

Освободившись от военной службы, я вернулся к своим прерванным занятиям и вступил в число студентов Новороссийского университета. «Кружок москвичей» посещал я почти ежевечерне, так как знакомства и встречи со знаменитостями вполне естествен-

ны и понятны, особенно же в молодые годы.

Больше всего я дорожил знакомством с Алексеем Толстым, бывшем после «Хромого барина» в ореоле своей славы. Любовь же к театру влекла меня к А. А. Койранскому, известному театральному критику и художнику. Его козлиная чуть-чуть рыжеватая бородка и большие «победоносцевские» круглые очки, блестящие из первого ряда партера на премьерах, всегда наводили ужас и страх не только на актеров, но и на писателей, пьесы которых впервые освещались огнями рамп. Критиком Койранский был чрезвычайно строгим и беспристрастным. «Ну как не порадеть родному человечку» — для пера Койранского не существовало.

Споры Койранского с Толстым о театре бывали очень интересны. Однажды А. Толстой резко набросился на «театр внутренних переживаний» Немировича-Данченко и Станиславского. Нытье в полутонах и с паузами, сказал Толстой, никому не нужны, публика скучает. Публику надо «ошарашить» по голове какою-нибудь неужи

данностью. Это создает успех.

Сейчас я задумал, продолжал Толстой, одну комедию и там у меня есть такая сцена. Дачная местность. Жаркий июльский день. Заморившийся исправник отдыхает на лавочке. Он растегнул свой белый мундир и вытирает большим красным платком выступивший пот. Невдалеке купальня, откуда доносится шум брызг и визг купающихся девок. Исправник приосанился. Застегнул мундир и чинно пошел в купальню. Он не подсматривал в щели купальни, а просто ворвался туда и начисто перекусал за ляжки всех девок.

—Ваш прием, возражал ему Койранский, оригинален. Но не забывайте, что «театр внутренних переживаний» — двигатель внутреннего сгорания и если динамо, или бобины в порядке и действуют хорошо, то такой театр скорее достигнет цели, чем ваш «ошарашивающий» исправник.

К нашему столику подошел Зейдеман и обращаясь к нему, А. Толстой сказал:

—Александр Миронович, я совсем простужен, вечно с мокрыми ногами. Ку

дите мне калоши! Зейдеман вынул из бумажника 300 карбованцев и сказал: —купите сами!

На следующий день А. Толстой появился в калошах, которые он не оставлял в передней, а щеголял в них по «залам клуба».

Вскоре всех москвичей и немосквичей «ошарашил» Зейдеман. Он устроил на широкую масленицу блины помосковски. Приглашенных было более двухсот человек и у всех расплывались от удовольствия лица, как у румяных блинов, на которые поливают масло. Икра черная, икра кетовая красная, балыки осетровые и белорыбие, и даже семга. Всего было вдоволь, и никто не косился на соседа, что тот, мол,слишком много взял.

После блинов публика не осовела и не пошла домой, на боковую. Одни проследовали в «горячую» опорожнить свои бумажники, другие допивали, курили и острили.

А. А. Яблановский, известный фелетонист и беллетрист, избрал своей мишенью *Ното повис-а* (Кугеля). А.А. был и в жизни также остроумен. Сам никогда не смеялся и говорил всегда шо

потом, подчеркивая свою рыболовную привычку — «мы — рыбаки всегда говорим потихоньку, чтобы рыбку не спугнуть». А. А. был страстный рыболов-любитель.

— Что же это мы, господа, сказал он, на вчерашнем нашем редакционном собрании не догадались сложиться и купить Кугелю новую чистую рубашку, и послать его, хотя бы ради масленицы, помыться в бани Исаковича. Посмотрите на кого он похож?

Ното повус (Кугель) — известный публицист. Надо было его видеть. Всклоченные волосы на голове, несмотря на его преклонный возраст, оставались девственными и не знали гребенки. Борода его росла произвольно и по форме была похожа на бороду Карла Маркса, содержание же ее было настоящим «Капиталом». В ней можно было найти макароны и лапшу, фасоль и горошек. Из-под бороды выцветшей тряпкой выглядывал галстук, в котором гвоздем торчала аляповатая булавка. Кугель был женат на Холмской и, вероятно, в его честь, Холмская назвала свой петербургский театр сатиры «Кривым зеркалом».

Н. Ф. Балиев, с лицом широким, как масленица, был, как всегда, в хорошем настроении и каламбурил. Он уехал из Москвы с труппой и декорациями «Летучей мыши» и делал в Одессе хорошие дела.

Ф. И. Благов горел, волновался «орал», начав издавать «Русское Слово» в Одессе. Однако, крика его никто не боялся, так как он был добродушнейшим человеком и никогда не скупился на «авансы» сотрудикам. Проходившего мимо Зейдемана Ф. И. остановил:

— Александр Миронович, помилуйте, дорогой, ведь блины Вам в копеечку влетели!

— Не беспокойтесь, ответил А. М., пойдите и посмотрите - какая игра пошла?! И на целые четыре часа раньше началась. Моя каньота за два часа таковой игры блины покроет с лихвой!

Е. В. Гельцер, прима-балерина Императорского Большого театра доучала Благову. Ее верхняя челюсть выдавалась вперед и когда она говорила, то своими зубами чуть, чуть наступала на нижнюю губу.

— Что-же мне делать?, Федор Иванович. Засиделась я в Одессе, осталась

бы и дольше, да все сны нехорошие снятся. Будто большевики вскрыли сейфы и забрали мои бриллианты.

— Да что вам тужить, Екатерина Васильевна. Своими ногами Вы вытанцуете в Лондоне и Америке больше, чем у Вас осталось в Москве. А с собой Вы ничего разве не взяли?

— Взяла, но что же, каких-нибудь каратов двадцать. Лучшие вещи остались там...

На Благовещенье французы сдали Одессу большевикам...

Судьба разбросала — кого куда.

Е. В. Гельцер уехала в Москву спасать свои бриллианты.

Алексей Толстой очутился в Берлине, где написал чудную книгу «Хожение по мукам» и издал не менее замечательную, написанную им в Одессе, «Детство Никиты».

В 1922 году Алексей Толстой всех «ошарашил». Он сменил вехи. И поехал в Москву «не кусать, а кланяться». И не «исправник» перекусал девок за ляжки, а сам себя укусил за

ляжку Алексей Толстой. Начался новый Толстой... Но в Петре ! он показался прежним, оригинальным и независимым. Спасибо ему и за это!

Альпы 1947 г.

ВЕСЕЛЫЙ АДМИРАЛ (Этюд с натуры)

Контр-адмирал Веселкин, Михал Михалыч, с круглой небольшой черной бородкой. Его маленькая бритая голова, безукоризненно правильной формы, казалась бильярдным шаром, выточенным из слоновой кости.

На адмирале Веселкине был темно-синий китель, украшенный золотыми флигель-адъютанскими аксельбантами и широкими адмиральскими погонами с одной «мухой». «Мухой» военные моряки называли черного двуглавого орла, вышитого шелком на адмиральских погонах. У контр-адмирала была одна «муха», у вице-адмирала две и у полного три. Большею частью адмирал Веселкин носил черные шаровары и высокие сапоги. Внешностью своей он не только напоминал, но был действительно вылитый портрет императора Александра III.

Существовала легенда, что адмирал

Веселкин — незаконный сын Александра III. Между прочим, эту легенду сам Веселкин никогда не опровергал.

Свои детские годы Веселкин провел при императорском дворе. Наследник престола, потом император Николай Второй, дружил с Веселкиным и был с ним на ты.

В детские годы Веселкин был страшным шалуном, а потом стал шутником и непревзойденным рассказчиком анекдотов. Та-же легендарная версия о происхождении Веселкина утверждает, что и фамилию свою Веселкин получил в ознаменование своих юмористических качеств. В монотонную и церемонную жизнь дворца Веселкин вносил с собой всегда струю веселья юмора и смеха. Образование Веселкин получил в Александровском лицее, по окончании которого поступил в юнкера флота, а затем, будучи произведен в мичмана, остался в кадрах Императорского Военно-Морского флота.

1915 год. Героическая сербская армия под натиском превосходящих сил противника очистила большую часть своей территории и осталась без баз.

Положение казалось катастрофиче-

ским. Румыния вела двойственную по литику. Правительство Карпа-Маргиломана, германофильского толка, торговало с Германией и предоставляло по следней право транзита для помощи Турции.

Рени—маленький городишко в южной Бессарабии на берегу Дуная. Адмирал Веселкин—Начальник Экспедиции особого назначения. Здесь его ставка, и свой адмиральский вымпел он держит на посыльном судне «Русь», бывшем пароходе Русско-дунайского общества пароходства и торговли.

У него неограниченные полномочия, подтвержденные российским правительством. Задача Веселкина—снабжение союзной Сербии. С этой задачей Веселкин справлялся очень быстро, проявляя недюжий организаторский талант. Сербь Веселкина боготворят, румыны—боятся. Вскоре Рени стал неузнаваем. Набережная вымощена, ж.-д. подъездные пути, элеваторы, зернохранилища. На пригорке, над портом, выросли каменные здания. Церковь, служебные помещения, адмиральский дом, баня и т. п.

Свою деятельность Веселкин неограничивает рамками одной лишь экономической помощи Сербии. Он ведет большую дипломатическую работу, с целью заставить Румынию выступить на стороне союзников. Веселкин устанавливает контакт с Ионом Братиану, лидером румынской либеральной партии, находившейся в оппозиции к правительству. Против правительства поднимается резкая компания в печати как румынской, так и русской, особенно же на страницах «Русского Слова», опубликовавшего секретные материалы о транзите через Румынию немецких подводных лодок для Турции.

Адмирал Веселкин, выезжая из Рени в Бухарест зачастую захватывал с собой чемодана два с дарами. Порт сигары, табакерки, золотые и серебряные вещи, которыми он одаривал, смотря по рангу, румынских политических деятелей.

Проявляя кипучую деятельность, Веселкин заражал ею и других. Он всюду успевал и был вездесущ. В своей работе Веселкин бывал и грозным начальником, и милостивым господином,

и шутником. Его боялись, но и любили за правду и справедливость.

Не любил Веселкин длинноволосых мужчин, как военных, так и штатских и беда тому, кто с длинной шевелюрой попадетя ему на глаза. Не сдобровать!

Был в Рени такой случай: Веселкин ехал на своем Русско-балтийского завода автомобиле. По тротуару навстречу, помахивая тросточкой, шел господин с «кудрями черными до плеч». Веселкин внезапно остановил машину и подозвал незнакомца.

—Милостивый Государь, будьте добры занять место рядом со мной,—обратился к нему Веселкин, любезно приоткрывая дверцу машины.

—В чем дело, Ваше превосходительство?

—Пожалуйста садитесь.

Незнакомец повиновался.

—В парикмахерскую!

—Есть, Ваше превосходительство,—ответил шоффер.

Возле парикмахерской Веселкин сошел с автомобиля, приказав незнакомцу следовать за ним.

—Постричь этого господина под машинку третьим номером!

—Помилуйте, ваше превосходительство. По какому праву,—возражал незнакомец. Я не солдат, я—свободный художник и белобилетчик.

—Дорогой мой, сейчас война, и я отвечаю за санитарное состояние края. Не упрямитесь и садитесь в кресло. Парикмахер вас дожидается.

Присутствующие покатываются со смеху. Незнакомец смущенный и обезоруженный садится в кресло.

—После стрижки,—продолжает Веселкин,—отправляйтесь в портовую баню и скажите, что я вас послал. Помойтесь хорошенько и получите там смену нового чистого белья. До свиданья!

Из парикмахерской Веселкин едет в депозорий. Это, вероятно, единственный на всю Европу уголок, где доживают свои последние дни прокаженные, всеми заброшенные и забытые.

Веселкин не боится «нечистых». Он христианин—фанатик и переступая запретную черту, он беседует с прокаженными, интересуясь их нуждами.

В тот же день на призыв Веселкина помочь несчастным отозвались флягманский врач Н. В. Дуброва, его жена ст. сестра милосердия Морского госпиталя и совсем юная, только что соскочившая с гимназической скамьи «маленькая сестрица», как ее все называли, с золотисто-рыженькими волосами. Все вчетвером отправились в лепрозóрий, где промывали и перевязывали раны у прокаженных и кормили их «вкусными вещами».

Веселкин, будучи истинно религиозным человеком, уважал всякую религию и даже секты. Не выносил он только неверующих, атеистов, которых считал прирожденными преступниками.

—Михал Михалыч, отец родной, бьем тебе челом и хлебом солью,—обращается к Веселкину глава запрещенной в России секты скопцов,—раз реши нам селиться в Бессарабии. Стосковались мы по родине своей, веками проживши в Румынии.

И Веселкин разрешал. Между прочим, здесь было бы уместно вспомнить, что известный румынский поли-

тический деятель и почти бессменный, по окончании первой мировой войны, министр иностранных дел, Николай Титулеску, бесспорно является потомком какого-нибудь русского скопца Титова. Такая гипотеза подтверждается во первых тем, что имени Тита в румынских святцах не имеется, а во вторых и внешностью самого Титулеску, обладателя типичного женоподобного, безбородого и безусого скопческого лица.

Духоборы, толстовцы и менониты, которых было очень много по Дунаю, просили Веселкина не отправлять их на фронт, т. к. они, согласно их верованиям, не имеют права брать оружия в руки.

—Составьте списки ваших людей, говорит Веселкин, и все они будут зачислены в портовые рабочие роты. Смотрите только, чтобы не было уклоняющихся от воинской повинности. Полагаюсь на вашу совесть.

Стояло бабье лето. Спокойное и прекрасное. Рени, разукрасившись золотой осенней листвой, астрами, хризантемами и георгинами, как вдова на выданьи

ожидала смотрин.

Из уст в уста потихоньку передавали, что в Рени приезжает Государь. Но обывателей ждало горькое разочарование. Государь действительно приехал, но без всякой помпы. Без смотров и без парадов. Он остановился в своем поезде и там принимал доклады.

Больше всех волновался, конечно, полицмейстер.

— Ваше превосходительство, — обращается он к Веселкину, — завтра Государь посетит порт. Надо было бы усилить охрану. Не будет ли со стороны вашего превосходительства на этот счет особых приказаний.

— Нет, — коротко обрывает Веселкин. — Завтра Государь будет моим гостем, будут выставлены морские караулы и этого вполне достаточно. Ни в какой полицейской охране я не нуждаюсь.

В порт Государь приехал в сопровождении небольшой свиты, где посетил отшвартованные военные суда, портовые сооружения и церковь. Небольшая церковь произвела на Государя очень сильное впечатление, т. к. она действительно являлась достой-

ным памятником русской иконописи и зодчества. Эту церковь построил и расписывал известный художник Николай Лапшин, удостоившийся особой Высочайшей похвалы. У Веселкина Н. Лапшин считался вольнонаемным «Портовой рабочей роты».

После смотра Государь отправился в адмиральский дом, где подписал приказы о наградах и производствах. Один случай следует быть отмеченным. Был в Рени капитан Пограничной стражи по фамилии Фосс, и было лет ему порядочно, под 60-т. В капитанах он просидел 19 лет, в ожидании производства, и уже совсем отчаялся бедняга, готовясь умирать в «обер-офицерских» чинах. Но Веселкин про Фосса не забыл и последний из капитанов через чин подполковника, Государем лично был произведен в полковники. При этом полковничьи погоны на Фосса Государь надел сам.

«Русь» стояла довольная, как имениница, но не расфуфыренная, а скромная и с собственным достоинством. Государь принял приглашение офицерской кают-компании отобедать на «Руси».

Иллюминаторы «Руси» были отдрены до отказа. По левому борту дул легкий ветерок, несший с собой специфический дунайский запах теплоты и прелости, особенно остро ощущаемой во время цветения камыша.

В кают-компаниях белоснежными скатертями было накрыто четыре длинных стола, каждый на 20-30 кувертов. Над столами мерно, плавно и бесшумно крутились пропеллеры винтеляторов, нежно клонившие шапки астр, подобранных в национальные русские цвета: белые, синие, красные.

—Смирно, господа офицеры!— раздавалась команда старшего офицера, являющегося на корабле, как известно, хозяином кают-компаний. В сопровождении контр-адмирала Веселкина, командира «Руси» и своего личного адъютанта в кают-компанию вошел Государь, встреченный гимном «Боже царя храни», исполненным оркестром балалаечников Портовой рабочей роты под управлением известного балалаечника-виртуоза Трояновского и хором песенников той же роты под управлением Н. Лопшина, оказавшегося не менее способным певцом и регентом.

Старшие и младшие коки (повара) «Руси» не ударили в грязь, и обед был на славу. Но не в нем дело. Своею ухю из стерлядок коки, вероятно, скорее поразили и удивили Государя, чем нашего брата, веселкинского моряка. Для нас тогда красная рыба была не диковинкой. Вилковские липоване-рыбаки, мобилизованные Веселкиным на своих рыболовных промыслах в гирлах Дуная и не отправлявшиеся в Действующую армию, буквально заваливали рыбой и икрой интендантство Экспедиции особого назначения. Осетрину и икру ели не только в кают-компани, но и в матросском кубрике. И пропуская по воскресеньям традиционную чарку водки, и уписывая ложкой черную икру, веселкинский матрос напевал и не раз, и не два:

Эх, Дунай, мой Дунай,
Эх, веселый Дунай!

В кают-компани на «Руси» с приходом Государя сразу же установилась атмосфера интимности и простоты. Государь чувствовал себя в офицерской семье первым среди равных.

Его обращение к адмиралу Веселкину на «ты и Миша», и ответное «Коля и ты» не только не резало уха, но наоборот, рождало гамму совершенно новых и неведомых переживаний: Государь — человек.

И Государь, и все офицеры чувствовали себя во время этого обеда — дома. Государь был в прекрасном настроении. Он искренне, почти по-детски, смеялся над новыми анекдотами, рассказываемыми Веселкиным для «курящих и некурящих».

Обед затянулся до вечера. Государь потягивал из рюмочки тонкой, как затянутая в корсет женщина прошлого столетия, излюбленный им коньячек и посасывал дольки лимона с сахаром, как известно, в его честь окрещенные «Николашкой».

В сегодняшней вечер многие офицеры стали неузнаваемы. Сухой, обычно углубленный в самого себя, гидрограф, старший лейтенант Морозов, которого за его мало-воинский вид прозвали в кают-компании «Ваней Холодковым», бывал всегда отсутствующим и ни на что не реагировал. В большинстве слу-

чаев за обеденным столом уткнется он бывало в какой-нибудь приказ, газету или даже меню, это было безразлично, и не обращая ни на кого внимания смотрит в них так пристально и сосредоточенно, как ботаник в микроскоп. Сегодня же Морозов переродился и проявлял максимум участия. Он несколько раз подходил к Государю со здравицей на «многие лета». Капитана второго ранга Женю Барикова посетила муза поэзии и когда Государь потребовал сельтерскую воду, то Бариков, неподалеку от Государя сидевший, сказал:

—Ваше Величество, не пейте лимонад газэс, —простудитэсь!

—Ваш совет, в будущем, —улыбаясь ответил Государь, —приму к сведению, но сегодня, на прощанье, разрешите мне, по английскому обычаю, выпить глоток «лимонада газэс».

Уходя, Государь поблагодарил старшего офицера за отлично проведенное время, а Веселкину сказал:

—Спасибо тебе, Миша, что ты охранял мой покой без «охраны». До какой степени мне надоели эти олухи—

охранники ты представить себе не можешь! Лучше бы не меня, а преступников они так рьяно охраняли.

Кресло, в котором сидел за обедом Государь, старший офицер приказал покрыть и задрапировать трехцветным национальным флагом. С этих пор в это кресло больше никто не садился...

В кают-компании свет был потушен. После пробитой пятичасовой склянки еле-еле занимался розовый рассвет. Все разошлись. Оставался только новоиспеченный полковник Саша Фосс, забытый, как Фирс в последнем акте «Вишневого сада». Он допивал излюбленное им «Понте-кане» и плакал... но не горькими слезами Фирса, а слезами радостного умиления. Подойдя к креслу, в котором сидел Государь, Фосс откинул краешек флага, стал на колени и поцеловал кресло.

— Нет, не забыл меня Батюшка царь. Вспомнил. За царем служба не пропадает!

После отъезда Государя события не заставили себя долго ждать. Румыния объявила войну Германии и ее союз-

никам. Шел октябрь месяц, и бабье лето сменилось абиссинскими дождями. Дунай захлебывался от воды и был злющим как никогда. На повороте возле Рени он с таким удовольствием рвал бывало берег, но теперь этим забавам пришел конец. Какой-то адмирал возвел здесь каменную дамбу. И в отместку за это разъяренный Дунай набрасывался на «Русь», которую толкал в кормовую часть правого борта. Корма, поднимаясь высоко, высоко на воздух, обнажала подзор во всей его греховой красоте.

Долгожданное вступление Румынии на стороне союзников принесло горькое разочарование. Румыния совершенно не была подготовлена к войне. Отсутствовали боевые припасы и провиант. Почти все запасы последнего были «выгодно» проданы Германи. Командный состав Румынской армии был далеко не на высоте. Не оказывая почти никакого сопротивления противнику, румынская армия бежала, обнажая фланги и способствуя неприятельским прорывам в расположениях русских войск. Армии русского генерала Зайнь

чковского, принимая бои, беспорядочно отступали. У адмирала Веселкина — новые задачи: организация обороны и недопущение неприятеля к захвату гирл Дуная.

— Кажется, — говорит Веселкин, — я зря ухлопал столько средств для привлечения Румынии на нашу сторону. Было бы лучше, если бы румыны выступили на стороне немцев.

— Помилуйте, — ведь это ж не армия, а какое-то Придунайское беговое общество!

Но руки у Веселкина от неудач не опустились. Темпами Петра Великого была создана Дунайская военная речная флотилия. На баржах были установлены шестидюймовые морские пушки Кане с перевернутыми наверх компрессорами, что увеличивало дальность стрельбы орудия. Такие пушки могли стрелять на 85-90 кабельтов, т. е. 19-20 клм. Короче говоря, Тульча сданная неприятелю, находилась под обстрелом из Измаила. Появились быстроходные катера, вооруженные скорострельными, 47 миллиметровыми пушками, устраивавшие неожиданные и

лихие набеги в распоряжение неприятеля. Под командование адмирала Веселкина перешли также румынские мониторы и ведетты. Кроме того, в одном из румынских портов была захвачена немецкая речная подводная лодка, ставшая русской добычей. В состав Дунайской военной флотилии входили также «Донец», «Кубанец», «Терец», три черноморских канонерских лодки. Была также создана и Красно-крестовская госпитальная флотилия на баржах и пароходах. Сухопутную оборону несла Балтийская морская дивизия. Минно-артиллерийский морской отряд вошел в состав обороны по реке Серету, где и было впоследствии остановлено наступление неприятеля.

В течение какого-нибудь месяца, через плавни и болота была переброшена на сваях железно-дорожная ветка, соединившая Рени с Галаццем. Рядом с нею пробежало шоссе, но не каменное, а деревянное, тесовое. Ведь камнем болота не вымостишь!

В эти жаркие организационные дни Веселкина посетили французский мор

ской атташе маркиз де-Бреда и японский морской атташе из Ставки Верховного Главнокомандующего. Их посещение было довольно продолжительным.

Настоящего помощника у Веселкина не было, и поэтому он послал морскому министру Григоровичу телеграмму, с просьбой прислать ему хорошего и опытного начальника штаба. В ответ на просьбу Григорович телеграфирует:

«Посылаю тебе лучшего офицера, своего личного адъютанта капитана первого ранга Рощакковского. Григорович»

Приезд Рощакковского в Рени был настоящим взрывом бомбы. В первый же день вступления в исполнение своих обязанностей, Рощакковский решил подтянуть распущенное Веселкиным офицерство и команды. Посаженными на «губу» (гауптвахту) оказались: «Ваня Холодков» за то, что был встречен Рощакковским в порту без оружия, Женя Бариков за опоздание на занятия в штаб на полторы минуты, барон Ропп (младший) за отложной пикейный воротничек, выпущенный поверх воротника морского кителя, и многие другие, кто

за опоздание от 1 до 5 минут, кто за ношение оружия, кто и за небрежное отдавание чести.

Рощаковский доложил адмиралу Веселкину о случившемся, но в ответ не получил ни одобрения, ни порицания. После некоторой паузы Веселкин сказал:

—Прошу Вас прибыть сегодня ко мне на завтрак.

Во время завтрака беседа носила совершенно «потусторонний» характер. Веселкин был чрезвычайно любезным и внимательным хозяином.

К концу же завтрака адмирал Веселкин коротко сказал:

—Господин капитан 1-го ранга, Вас дожидается мой автомобиль. Он отвезет Вас в Одессу.

—Ваше Превосходительство, я Вас не понимаю.

—Мне такие начальники штаба не нужны. Мне нужны работники, а не службисты. Повидимому Вы привыкли отсиживать часы, а мы—работать. И когда нужно, то сутки напролет. Оружие же мы носим тогда, когда имеет ся непосредственная опасность непри

ятеля. Понятно?

—Другими словами, Ваше превосходительство, откомандировывает меня обратно в распоряжение морского министра?

—Вы угадали. Вслед за Вами я шлю Григоровичу телеграмму: «Не поздравляю Тебя с такими личными адъютантами».

Рощаковский проглотил горькую;пилюю и после небольшой паузы сказал:

—Ваше Превосходительство, в связи с моим назначением на пост начальника штаба, я набрал 10 офицеров и три роты минеров и пулеметчиков, предназначавшихся мной для десантных операций. Эти люди едут эшелонном под начальством старшего лейтенанта барона Роппа (старшего). Что будет с ними?

—Все они будут мною приняты по заслугам. Работы хватит на всех.

У десяти вновь прибывших офицеров, собранных в кают-компанию, тряслись поджилки.

Команда — «мирно».

—Прошу садиться, господа офице-

ры, — сказал адмирал, — курите!

При этих словах Веселкин вынул огромный серебрянный портсигар, формой своей напоминавший двухстворчатое окно. В него входило, вероятно, не менее ста папирос. Взяв одну, адмирал положил портсигар посредине стола для общего пользования. Закурили. От адмиральской папиросы на душе как-то отлегло.

— Итак мы начинаем, — сказал адмирал.

— Как Ваша фамилия?

— Баранов, — ответил сидевший по правую руку капитан инженерных войск.

— Какие мотивы руководят Вами для перечисления во флот. Какая Ваша специальность?

— Сапер и минер.

— На фронте были?

— Нет.

— Опишите мне и начертите окоп с бруствером.

Молчание. Следуют другие вопросы по саперному и минному делу. Но эффект тот же: Баранов молчит и краснеет.

— Знаете, батенька мой, ни черта Вы в инженерном деле не смыслите. На досуге, за стаканом вина мы с Вами лучше побеседуем о «пряниках». Вероятно, в них вы больше понимаете. Следующий.

— Итак, Вы бывший студент Петроградского Политехнического Института императора Петра Великого, с электро-механического отделения. Может быть майский инженер? (майскими инженерами назывались студенты, не сдавшие минимума и исключавшиеся из института).

— Никак нет, Ваше превосходительство. Я сдал больше, чем положено минимумом и только перейдя на второй курс добровольно пошел в юнкера флота.

— Сколько Вам лет?

— Девятнадцать.

— Что Вы сдали?

Следует перечень предметов.

— Физику Вы сдавали по курсу Лоренца, не так ли? Начертите мне кривую и выведете формулу Ван-дер-Вальса.

Испытуемый на седьмом небе, — что

адмирал, лицеист по образованию, может смыслить в кинетической теории газов,— думает он. Однако, и этого ждало разочарование. Адмирал взял исписанный лист бумаги, просмотрел его и улыбнувшись сказал:

— Без ошибочки не обошлось. Но она незначительна и простительна. Мне нравится, что Вы в 19-ть лет сознаете свой долг перед родиной. Куда бы Вы хотели получить назначение?

— Куда прикажите, Ваше превосходительство, но только в самый действующий флот.

— Вы будете назначены флаг-офицером Дивизиона быстроходных катеров.

— Есть, Ваше Превосходительство.

— Наконец, мы дошли и до Вас,— обращается адмирал к пожилому подпоручику по адмиралтейству кавказского типа. — Что Вас побудило поступить во флот?

— Призвание, Ваше Превосходительство. Еще с юных лет я мечтал и стремился стать морским офицером.

— Где же Вы были до сих пор?

— В университете, Ваше Превосхо-

дительство.

— Быть может, Вы--вечный студент?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Какого же факультета?

— Юридического.

— Вот тебе на. Всю жизнь мечтал о море, а попал на юридический. Отчего же Вы пошли на юридический?

— Па нэдаразумению, Ваше Превосходительство.

Подавляя смех, адмирал спрашивает:

— А как Ваша фамилия?

— Надирадзе.

Общий хохот.

— Ну, конечно, Вы у меня останетесь, и надеремся мы с Вами не раз!

Здесь будет как раз кстати удовлетворить долготерпимое ожидание тех, кто слышал про Веселкина краткую характеристику: «пьяница и самодур». Да, Веселкин пил. И пил много; и зимой, и летом, и так, как лошадка воду в знойный полдень. Но рассудка и человеческого образа он никогда не терял. Что же касается его самодурства, то выводы мы предоставляем сделать самому читателю.

Все девять из вновь прибывших офицеров получили назначение. Капитан инженерных войск Баранов был отправлен в распоряжение начальника одесского военного округа для отправки на фронт...

Над румынским фронтом стряслась новая беда. Началась эпидемия холеры, брюшного и сыпного тифа. Адмирал Веселкин не складывает оружия. Затрещал телеграф, зазвонил телефон. На борьбу с заразными заболеваниями прибыли эпидемические отряды Земского и Городского союзов. Были организованы специальные береговые различные госпитали. Эпидемию необходимо было пресечь в самом начале и в корне. Адмирал Веселкин это понимал

В одно утро «Русь» задрожала. Она была под парами. Раздалась боцмановская дудка: «все наверх, с якоря сниматься». Сходни убраны. Заработала лебедка, выбиравшая якорь.

— Трави носовой! — раздалась команда командира, переданная в мигафон (рупор). Придерживай кормовой!

Носовая часть «Руси» отваливала от пристани.

— Трави кормовой! Лево на борт!
— Есть лево на борт,— отвечает руле вой.

— Отдать концы! Так держать!
— Есть так держать,— отвечает руле вой.

Телеграф с капитанского мостика зазвонил в машинное отделение:-- «полный вперед».

И «Русь», как рысистая лошадь, застоявшаяся в конюшне, бросилась вперед. Полной грудью резала она воды Дуная и как бы мстя ему за недавнее непочтительное с собой обращение, оставляла после себя густую пену и гладко отутюженную поверхность воды.

«Русь» согласно приказанию адмирала держала курс на Галац.

Солнце было высоко, и лучи его, устремленные в ярко надраенную медяшку телеграфа, штурвала и поручней трапа, играли зайчиками на спардеке, шканцах и палубе.

В Галаце «Русь» была встречена высшими военными чинами русского и румынского гарнизона. Представители гражданской власти отсутствовали.

Адм. Веселкин приказал спустить свою машину и отправился в Городскую Управу. Страшный переполох. Чиновники Управы, узнав кто оказал им честь своим посещением, забежали и засуетились.

Мне нужно видеть приморья (городского голову), — сказал Веселкин.

Городской голова немедленно выскочил и попросил адмирала в свой кабинет.

—Почему Вы меня не встретили? Вы же знали, что я прибываю в Га-лад,—сказал Веселкин.

—Я считал, что я — представитель гражданской власти и к тому же выборной не обязан Вас встречать.

—Это Вы так считаете, а я противоположного мнения. Именно Вы - то и нужны мне на этот раз. Надевайте пальто и берите шляпу, следуйте за мной, у нас слишком мало времени.

Городской голова в точности выполнил распоряжение Веселкина.

Посетили городскую бойню, базары, водопровод.

Адмирал констатировал грязь, анти санитарное состояние и полное отсут

ствие гигиены. Городского голову, ставшего ниже травы и тише воды, он отвез на «Русь» и передал старшему офицеру. Последний проводил городского голову в каюту первого класса и приставил к ней «пикадора». «Пикадорами» на флоте назывались часовые у арестных помещений.

—Что это все значит?—спросил городской голова у старшего офицера.

—Вы арестованы по приказу адмирала.

—Куда же мы едем?

—Не едем, а идем в Рени.

—Как?! Галац остался без примаря и по какому праву Ваш адмирал смел меня арестовать? Это ему дорого обойдется!

Старший офицер ушел, а городской голова остался «сидеть».

По приходе в Рени городской голова был вызван в адмиральскую каюту.

—Садитесь. Выпьем и закусим, сказал Веселкин. Свое возмущение оставьте при себе. Лучше выслушайте меня. Вы воочию убедились, что городское хозяйство под Вашим управлением ни же всякой критики. Вы легкомыслен-

ны, как ребенок. Поэтому и наказал я Вас так, как провинившихся детей, которых ставят в угол. Конечно, я мог бы потребовать Вашего смещения. Пришел бы другой, но где уверенность в том, что он будет лучше Вас. Вы же, после сегодняшнего урока, я уверен, возьметесь за дело энергично и устранили все замеченные мной недочеты. Поймите, что Ваше городское хозяйство, по существу, меня не интересует, но Вы не должны забывать, что быть может по вашей вине и легкомысленности тысячи воинов и граждан заболели эпидемическими болезнями и отправились на тот свет. Все происшедшее останется между нами, но в будущем — берегитесь!

Городской голова жмет Веселкину руку.

—Мы с Вами приглашены в кают-кампанию. Идемте завтракать,—сказал Веселкин.

После завтрака городской голова в сопровождении адъютанта на адмиральской машине был доставлен в Галац.

Друзьям и служащим управы он с восхищением и восторгом рассказы-

вал о «прогулке» на адмиральской яхте в Рени и о чудеснейшем завтраке, которым его приветствовал адмирал.

Ближайшие сотрудники не узнавали своего шефа. Он работал теперь больше для общественной пользы, чем для собственной наживы . . .

В конце декабря 1916 года адмирал Веселкин был переведен с повышением и назначен комендантом Севастопольской крепости.

После февральской революции оба адмирала: адмирал Колчак, Командующий черноморским флотом и адмирал Веселкин сохранили свои посты.

По сравнению с Балтийским флотом, где с первых же дней революции начались убийства и резня офицеров, в Черноморском флоте сравнительно было спокойно. Но все же распропагандированные матросы пошаливли.

Однажды адм. Веселкин, выезжая с Нахимовской площади на Екатерининскую улицу заметил группу из четырех матросов. Вид их по тому времени был наимоднейшим. Несмотря на жаркий июльский день, они щеголяли в резиновых, подводного плавания са

погах, высочейнеших, по самое брюхо. Туловища их были перекрещены пулеметными лентами. По левому «борту» висело у каждого по «маузеру» или «кольту». В таком виде они «шли в атаку», громить часовню построенную в честь героев-моряков Севастопольской обороны. Выйдя из автомобиля и перерезав матросам дорогу, Веселкин взошел на папереть часовни, и руки свои распростер распятым пред вратами.

—Пройдете через мой труп,—сказал он матросам.

Это было так неожиданно, что матросы опешили и собрались было уходить. Но один из них сказал:

—Подождите, товарищи, я его обложу. Скажите, господин адмирал, какой длины можно носить теперь волосы?

Матросы засмеялись.

—Это зависит от специальности матроса,—сказал Веселкин.—Вы какой специальности?

—Артиллерист,—ответил матрос.

—Ну, тогда такой длины, чтобы волосы не попали в замок орудия, когда вы его будете заряжать.

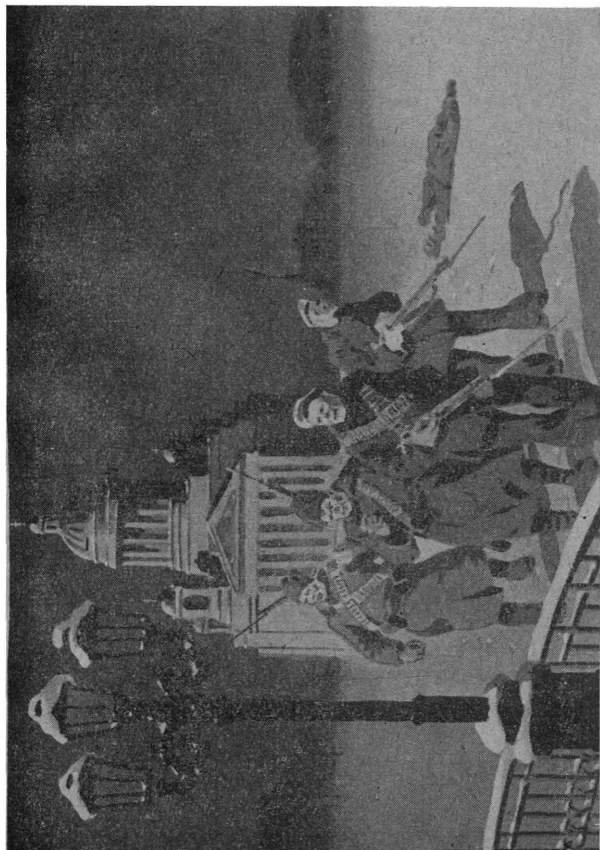
Матросы сконфуженно удалились...

После Октябрьской революции Веселкин уехал в Финляндию. Екатеринбургская трагедия (убийство царской семьи) на него так подействовала, что он совершенно удалился от людей. Распоряжаясь в свое время бесконтрольно секретными фондами, для себя Веселкин ничего не приберег. Жить было не на что. И продав, как говорится, «сюртук и шляпу» он купил «Машку» и начал заниматься извозным промыслом.

Опустив понуро голову, «Машка» дремала. Опустив вожжи, сидел адм. на облучке, безразлично глядя в даль. Молочный электрический шар над входом в ночной кабачек, освещал лицо Веселкина. Его серые с голубым оттенком глаза блестели как-будто попрежнему, но их контур потерял былую четкость и выразительность, и глаза становились похожими на копенгагенский фарфор с расплывчатым рисунком.

Из кабачка вышли три матроса. Искры блеснули в их глазах.

—Извозчик, в публичный дом! (Коне

чно, они сазали иначе, но смысл тот же).

Натянутые вожжи заставили «Машку» поднять голову. Она зашагала, потом побежала рысцой.

Светало. Зарюю новой горел восток.

На пустынной улице матросы стянули адмирала с козел. Повалили на мостовую. Он не сопротивлялся.

И побили его камнями.

Из виска головы круглой, как бильярдный шар, текла струйка горячей крови, гирлами дунайскими разливаясь по щеке.

«Машка» снова опустила голову, но не дремала. Ее глаза были широко открыты...

Матросы обтерли свои ладони о ляжки. Молча переглянулись. И заложив руки в карманы бушлатов, пошли прочь...

«Кто без греха, брось в нее камень» сказал Спаситель.

Вероятно, матросы были без греха.

Альпы, 1947.

Approved by U. N. R. R. A. H. Q.

N/0608 6. 47. 3000